

между ними в условиях рабовладельческого строя быть не могло, ибо свободные и рабы принадлежали к различным классам, а поэтому между ними существовали антагонистические противоречия, исключавшие такой союз.

Напрасно автор, тем более в научно-популярном издании, вводит новую транскрипцию для слов, написание которых твердо вошло в научный обиход. Например, вместо общепринятых «Фурии», «Пиценская» П. Карышковский пишет «Турви» (стр. 48, 57 и др.), «Пицентийская» (стр. 46, 47).

Хорошо, что в брошюре имеются иллюстрации, но вряд ли один из всадников (роспись из Помпей) был вождем восставших. Совершенно недопустимо отсутствие в научно-популярной книге карты Римской республики и схемы походов спартаковцев. Отсутствие схемы не дает возможности читателю наглядно представить как движение спартаковцев по Италии, так и места главных сражений.

Учитывая небольшой объем брошюры, следовало бы в конце ее дать список общедоступной литературы, чтобы читатель, заинтересовавшись каким-либо вопросом, мог бы обратиться к другим книгам.

Автор, по нашему мнению, излишне часто подчеркивает, что спартаковцы занимались грабежом, насилиями, убийствами и поджогами (стр. 40, 42) и в то же время лишь мельком говорит о наличии в армии Спартака элементов организованности и дисциплины (ср. Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, 1956, стр. 268).

Напрасно П. Карышковский умолчал о том, что добычу восставшие делили между собой поровну, а если продавали ее скупщикам, то только за медь и железо, так как Спартак запретил рабам приобретать золото и серебро. План трех походов восставших в брошюре изложен слишком кратко, а главное — нечетко, и поэтому неподготовленный читатель вряд ли самостоятельно в нем разберется.

В заключение отметим постранично несколько мелких погрешностей.

На стр. 11 автор утверждает, что «Трибун...мог приостановить своей властью выполнение любого распоряжения других должностных лиц...». В действительности это не так. Народный трибун не мог приостановить распоряжение диктатора, в подчинении которого находились все должностные лица.

Из Капуанской школы Лентула Батиата бежало не около семидесяти гладиаторов, как напечатано в брошюре (стр. 35), а 78 человек.

Отмеченные недостатки несколько снижают общий уровень рассматриваемой брошюры. Между тем при более тщательной работе издательства над книгой многие пробелы могли быть легко устранены.

С. Н. Бенклев

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В ЖУРНАЛЕ

«STUDII ŞI CERCETĂRI DE ISTORIE VECHĂ»

за 1954—1956 гг.¹

Журнал «Studii şI cercetări de istorie veche» издается с 1950 г. в Бухаресте Национальным музеем древностей Академии наук Румынской Народной Республики и выходит ежегодно двумя полутомами. С самого начала журнал уделял большое внимание вопросам истории материальной культуры и опубликованию отчетов об археологических раскопках, которые в РНР приобрели особый размах после установления народно-демократического строя, особенно с 1949 г. За истекшее время в РНР были произведены многочисленные археологические раскопки, позволившие глубже ознакомиться с первобытным обществом на различных этапах его развития, причем впервые было приступлено к систематическому исследованию палеолита; чрезвычайную

¹ «Studii şI cercetări de istorie veche» («Труды и исследования по древней истории»), т. V, 1954; т. VI, 1955; т. VII, 1956, Бухарест.

важность представляют собой раскопки дакийских крепостей в горах Орэштие, главным образом в Градишти Мунчелулуй, предпринятые с целью изучения материальной культуры дакийцев и их социально-экономического развития и показавшие, вопреки существовавшему мнению, высокий уровень дакийской культуры накануне завоевания этой страны Римом. Результаты этих раскопок представляют особый интерес для решения вопроса об этногенезе румынского народа и для научного разрешения вопроса о раннем дакийском рабовладельческом государстве; они позволили широко обсудить вопрос о дакийском государстве на научной сессии V секции Академии наук РНР в декабре 1953 г. Раскопки в Истрии позволили более подробно ознакомиться с длительной жизнью этого греческого причерноморского города и его связями с автохтонным гетским населением северной Добруджи. В небольшой мере археологические раскопки дали новый материал для изучения жизни на территории РНР в III—IV вв. н. э., однако этот период пока что остается слабо освещенным. Значительный вклад внесли раскопки в изучение эпохи раннего феодализма.

Для того чтобы исследования в области древней истории плодотворно развивались, редакция журнала считает, что ближайшей задачей историков древнего мира является перенесение центра тяжести на использование накопленных материалов для разработки крупных исторических проблем и составления капитального труда по древней истории страны, причем исследователям следует обратить внимание в первую очередь на изучение вопросов, требующих скорейшего разрешения, и на наименее изученные периоды древней истории РНР.

Основными проблемами, требующими быстрого разрешения, являются более углубленное изучение первобытного общества на территории РНР, выяснение характера раннего дакийского государства и изучение развития рабовладельческого общества на территории РНР, выяснение вопроса об образовании румынского народа и румынского языка, а также вопрос об условиях возникновения феодализма и феодальных государственных образованиях на территории страны.

В соответствии с поставленными задачами в номерах журнала за 1956 г. опубликован целый ряд статей, посвященных изучению наиболее важных вопросов древней истории РНР.

Статьи, опубликованные в журнале за 1954—1956 гг., по их проблематике можно разделить на пять основных групп:

1) Исследования о развитии первобытного общества на территории РНР. 2) Исследования о дакийском государстве до его завоевания римлянами. 3) Исследования по истории Дакии в период римского владычества. 4) Исследования, посвященные изучению истории греческих городов западного Причерноморья и их связей с автохтонным гетским населением северной Добруджи. 5) Исследования по истории феодализма.

В настоящем обзоре будут, в основном, рассмотрены статьи, посвященные истории дакийского государства и античному периоду в истории Румынии.

1. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ДАКИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ДО ЕГО ЗАВОЕВАНИЯ РИМЛЯНАМИ

В статье акад. К. Дайковичу «Новое в вопросе о дакийском государстве» (1955, № 1-2) автор продолжает развивать ранее выдвинутый им тезис о существовании во времена Биребисты и Дедебала раннего дакийского рабовладельческого государства и приводит новые дакие относительно времени его существования. Автор анализирует состояние дакийского общества начала I в. до н. э. в юго-западной Трансильвании на основе результатов археологических раскопок 1950—1954 гг. дакийских поселений в Мулций Орэштией и дает новое толкование известной надписи Акорниона из Дионисополя (SyllOge³, 762), учитывая при этом чтения, предложенные М. Олло и А. Вильгельмом, а также упоминание в прологе к 32 книге «История» Помпея Трога о росте могущества дакийцев при царе Rubobostes во II в. до н. э. (автор считает необоснованными попытки рассматривать это имя как испорченное в рукопи-

сях имя Биребисты). В результате К. Дайковичу приходит к выводу, что начало государственного устройства трансильванских дакийцев относится к началу I в. до н. э. и датируется первыми годами царствования Биребисты или даже временем царствования его отца.

Второй вопрос, рассматриваемый автором, касается судеб дакийского государства после гибели Биребисты. Автор оспаривает мнение, будто бы в этот период дакийское государство вовсе исчезает. Литературные источники по этому поводу говорят лишь о распаде дакийского государства на несколько частей; их сопоставление с археологическими раскопками на Дялул Грэдштей в горах Орэштие неоспоримо доказывает, что в период от гибели Биребисты до воцарения Децебала в юго-западной части Трансильвании существовало дакийское государство с меньшей территорией, чем во время царствования Биребисты.

В статье того же автора «О гето-дакийской общине» (1955, № 1-2) указывается на необоснованность использования стихов Горация (Od., III, 24, 10—16) для доказательства наличия у гето-дакийцев общинного землевладения с совместной обработкой земли и пользования урожаем. Картина, нарисованная Горацием в указанных стихах, соответствует общественной организации севов к середине I в. до н. э. (Caes., *Compt. de b. G.*, IV, 1) и находится в противоречии с тем, что нам известно о гето-дакийцах из других литературных источников и по археологическим данным.

В статье К. Махря «Биребиста и кельты на Среднем Дунае» (1956, № 1-2) подвергается пересмотру вопрос о датировке разгрома Биребистой боев и таврисков, руководимых Крестасиром. В историографии с конца XIX в. укрепилось мнение, что сражение это имело место около 60 г. до н. э., в начале царствования Биребисты; однако позднее нумизматом Р. Паульсеном и историком А. Альфельди была сделана попытка доказать, что событие это произошло около 40 г. до н. э., и в связи с этим отодвинуть почти на целое десятилетие год смерти Биребисты.

Поскольку от уточнения хронологии указанного события зависит правильное понимание политики Биребисты в целом, автор заново рассматривает все данные о сражениях дакийцев с болги и таврисками. В результате сопоставления литературных источников с археологическими, нумизматическими данными автор приходит к выводу, что разгром Биребистой боев и таврисков произошел в начале его царствования, около 60 г. до н. э. Этот разгром устранил опасность нападения на западные границы Дакии и развязал Биребисте руки для последовавшей борьбы с римлянами и греческими причерноморскими городами. Что касается аргументации Р. Паульсена и А. Альфельди, то она не выдерживает критики; в частности, правильна датировка бойских монет 80—60 гг. до н. э. (а не 60—40 гг.), так как с 60 г. до н. э. начинается выпуск монет зрависков. К тому же, все античные источники сходятся на том, что Биребиста погиб в 44 г. до н. э., вскоре после убийства Цезаря. Автор считает, что в последние годы своего царствования, после победы Цезаря над Помпеем, Биребиста, в основном занимался организацией обороны против ставшей уже вероятной римской угрозы. Археологические раскопки и находки монет свидетельствуют о том, что к этому времени относятся мощные каменные укрепления, воздвигнутые Биребистой в горах Орэштие с помощью ремесленников из греческих причерноморских городов.

В статье «К вопросу о земледелии в Дакии до покорения ее Римом. Вопрос о дакийской общине» (1956, № 3-4) А. Бодор ставит себе задачу исследовать формы земледелия у дакийцев и на основе этих данных прийти к выводам о характере общественных отношений в Дакии до римского завоевания. Автор, на том же основании, что и К. Дайковичу, считает, что упоминутая ода Горация (Od., III, 24, 10—16) не может быть признана историческим источником по рассматриваемому вопросу. На основании литературных источников, археологических и нумизматических данных он защищает то положение, что дакийцы в I в. до н. э., в отличие от севов, вели оседлый образ жизни и их основным занятием являлось земледелие. У них уже существовал внутренний рынок, и они вели оживленную торговлю с греческими причерноморскими городами. К тому же в рассматриваемый период у дакийцев религия уже являлась государствен-

ным учреждением с установленной иерархией, официально оказывающей поддержку царю и руководящим слоям, а царская власть являлась наследственной. А. Бодор приходит к выводу, что в оде Горация соответствующим исторической правде является лишь указание на общинный характер дакийского землевладения, что подтверждается сообщением Иосифа Флавия, писавшего в период правления Тита и Домициана, когда в Риме должны были уже располагать достоверными сведениями о жизни дакийцев.

В статье К. Преда «Гето-дакийские племена и обращение монет Филиппа II на севере Дуная» (1956, № 3—4) рассматривается вопрос о причинах распространения на территории к северу от Дуная большого количества македонских монет, отчеканенных в царствование Филиппа II. Автор считает, что произошло это не только в результате экономической и политической экспансии македонского государства времен Филиппа II и Александра, но в определенной мере было обусловлено и уровнем социально-экономического развития гето-дакийских племен во второй половине IV в. до н. э., у которых к этому времени возникает товарное производство. Распространение монет Филиппа II приводит к установлению более тесных связей между греко-македонцами и населением, живущим к северу от Дуная, и ослабляет в определенной мере связи этого последнего с греческими городами западного Причерноморья. Монеты Филиппа II послужили прототипом для дакийской местной монеты, которая засвидетельствована в большом количестве для III—I вв. до н. э. Начало чеканки дакийских монет относится, скорее всего, к середине III в. до н. э., а прекращение чеканки примерно к 100 г. до н. э., когда в Дакию проникает римская республиканская монета.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ДАКИИ В ПЕРИОД РИМСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

К этой группе относятся исследования Б. Митря «Вклад нумизматики в освещение вопроса о борьбе против римского владычества в Дакии» (1954, № 3—4) и «К вопросу об истории гетских племен в Молдове во второй половине II в. н. э. в свете новых нумизматических данных» (1956, № 1—2). В первой статье, учитывая скудость литературных источников, касающихся истории Римской империи этого периода, в том числе и провинции Дакии, автор привлекает для изучения вопроса о борьбе дакийского автохтонного населения против римского владычества данные нумизматики. Он подвергает анализу нумизматический материал как с точки зрения изучения типа на обороте монет, так и с точки зрения изучения хронологии захоронения кладов. Данные нумизматики подтверждают наличие восстаний в 117—119, 139, 143, 156—157 и 167 гг. н. э. и позволяют внести некоторые уточнения в определение этих дат; так, в частности, они уточняют датировку восстания конца пятидесятых годов 156—157 гг. (а не 157—158 гг., как предполагают некоторые историки). Во второй статье автор использует нумизматические данные для выдвижения ряда гипотез о гето-дакийском населении Молдовы и его взаимоотношениях с римской империей. Географическое распределение захоронений кладов подтверждает мнение В. В. Кропоткина (ВДИ, 1951, № 4, стр. 243—252) о том, что в районе центрального плоскогорья, холмов и соприкасающихся с ними зон обитала оседлая народность, которая, по мнению Б. Митря, может быть только гето-дакийской; появление же римской монеты в верхнем бассейне Прута и Серета,¹ возможно, связано с проживанием в этой местности гето-дакийского племени костобоков. Даты захоронения кладов совпадают с нашествиями «варваров» на гето-дакийскую территорию Молдовы; особенно большое количество захоронений во время царствования Коммода, как считает Б. Митря, связано с движением готов из района Вислы в район Черного моря, приведшим к переселению многочисленных племен. Отсутствие монетных кладов, относящихся к 170 г. н. э., по мнению автора, опровергает выдвинутую О. В. Кудрявцевым (ВДИ, 1950, № 3, стр. 56—80) гипотезу о пути следования костобоков и о месте их проникновения на территорию Римской империи.

На основании изучения нумизматических данных Б. Митря приходит к выводу,

что в течение второй половины II и первых десятилетий III в. н. э. не произошло никаких существенных изменений в этнографической структуре рассматриваемой территории. То обстоятельство, что в биографии Марка Аврелия (22, 1) среди варваров, напавших на империю, не упоминаются карпы, дает возможность автору отождествить карпов с автохтонным гето-дакийским населением молдавского плоскогорья, которое, согласно нумизматическим данным, находилось в мирных отношениях с Римом и само страдало от нашествий, которым подвергалась в это время империя.

III. ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ИХ СВЯЗЕЙ С АВТОХТОННЫМ ГЕТСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ СЕВЕРНОЙ ДОБРУДЖИ

Д. М. Пиппиди в статье «Новые сведения о внутренней организации города Истрии в годы автономии» (1954, № 3-4) отмечает, что эпиграфические материалы, добытые при археологических раскопках послевоенных лет, позволяют дополнить имеющиеся данные о государственной организации Истрии в IV—I вв. до н. э. Эти материалы содержат дополнительные данные о ранее известных магистратурах или же указывают впервые на существование магистратов и учреждений, не известных в этом городе до настоящего времени. На основании ряда надписей можно сделать вывод о брожениях социального характера, вызванных концентрацией имуществ и обнищанием широких народных масс в течение эллинистического периода.

Э. Попеску в статье «Неопубликованный эпиграфический документ из Истрии и культ Кибелы» (1954, № 3-4), изучая обнаруженную в 1955 г. надпись, представляющую собой почетный декрет в честь жрицы Кибелы, некоей Абы, датируемый серединой или третьей четвертью II в. н. э., отмечает, что надпись эта является первым достоверным письменным источником о существовании в Истрии культа Кибелы, наличие которого, однако, засвидетельствовано и до этого другими данными, в частности, статуэтками. В римскую эпоху этот культ становится все более интенсивным и отправляется в Истрию с необычайной пышностью, как это доказывают многочисленные нумизматические, эпиграфические и пластические документы.

И. Стоян в статье «Декреты г. Томи относительно охраны города» (1954, № 3-4) указывает, что толкование этих декретов, обнаруженных и опубликованных впервые в 1891 г., еще не получило полного признания всех исследователей, возможно, в связи с тем, что до настоящего времени издание их не носило подлинно научного характера. В частности, автор не согласен с теми исследователями, которые ставят события, упоминаемые в декретах, в связь с действиями Биребасты около 50 г. до н. э., направленными на покорение греческих припонтийских городов. И. Стоян считает необоснованной столь позднюю датировку рассматриваемых эпиграфических документов и высказывает мнение, что речь идет, возможно, об угрозе со стороны кочующего племени бастарнов или, скорее всего, о длительном периоде нападений со стороны местных племен, причем эти нападения сочетались, по всей вероятности, с внутренним брожением (именно так следует понимать выражение *λοικισμός περίστασις*) и массовым бегством населения из города.

Статья Д. М. Пиппиди «Истрийская надпись об агонах» (1955, № 1-2) посвящена изучению посвященной надписи ассоциации *βίμβροδοι πρεσβύτεροι περί τὸν μέγα θεὸν Διόσκουρον*, обнаруженной в Истрии во время раскопок 1953 г. и датируемой 222—225 гг. н. э. Автор подчеркивает интерес, который представляет упоминание об *ἀγῶνες*, происходивших в начале III в. н. э. в Истрии, поэтический и музыкальный характер которых полностью подтверждается рассматриваемым документом. Эти агоны, по всей вероятности, устраивались в театре, местонахождение которого при раскопках еще не обнаружено.

В статье того же автора «Поправки к некоторым истрийским надписям, опубликованным В. Пырваном» (1955, № 3-4) вносится ряд поправок к тексту истрийского

декрета в честь грека-метэка, впервые опубликованного в 1925 г. В. Пырваном; затем отмечается, что декрет этот может пролить новый свет на особенности финансовой и административной организации Истрии.

В. Канарак в статье «Новое о топографии Истрии» (1956, № 3-4) рассматривает вопрос о том, являлась ли Истрия в древности островом, полуостровом или же была расположена на материке. Опираясь на данные археологических раскопок, он приходит к выводу, что наиболее правдоподобной является последняя гипотеза, причем ряд различных причин вызывал, с одной стороны, отрыв и исчезновение участка северной части крепости, а, с другой, скопление наносных отложений в южном заливе.

В статье Э. Попеску «О воспитании молодежи в Истрии» (1956, № 3-4) привлекается ряд надписей, обнаруженных при раскопках последних лет, для решения вопроса об организации эфебии в Истрии, в частности, для изучения способов воспитания эфебов. Доказательством того, что воспитание эфебов не ограничивалось лишь их физической подготовкой, а включало и заботу об их образовании, является, например, почетный декрет первой половины III в. до н. э. в честь врача из Клизика, упоминающий о лекции, *ἡκρόασις*, прочитанной им, вероятно, в истрийском гимнасии. В этом декрете отмечается, что проводились также *ἡκρόασις* риторического, поэтического и философского характера.

Данные о существовании гимнасии в римскую эпоху содержатся в двух декретах II и III вв. н. э.; в первом из них говорится о коллегии преподавателей и врачей, находящихся, как считает автор, на службе народного просвещения.

В статье Э. Бужора «К вопросу о гето-дакийском населении северо-восточной Добруджи» (1956, № 3-4) отмечается, что наличие эллинистической керамики во вскрытых в Муригьоле могилах, принадлежащих местному гетскому населению III в. до н. э. и относящихся к раннему железному веку, доказывает тесную связь местного населения с греческими городами западного Причерноморья.

В статье И. Руссу «Спорный вопрос об установлении границ земельной собственности в Малой Скифии» (1955, № 1-2) изучаются надписи на двух межевых знаках, датированных 192—201 гг. н. э. и отделявших крупное имение Мезия Пуденталлы от владений жителей автохтонного гетского поселения *vicus Buteridava*, расположенного недалеко от Истрии. Автор приходит к выводу, что данные эпиграфические документы могут служить новым доказательством существования крупной земельной собственности в Малой Скифии, где большие участки лучшей земли были захвачены привилегированными слоями римских завоевателей (представителями административной иерархии, ветеранами, дельцами и т. п.), причем в течение II—III вв. н. э. владения эти непрерывно расширялись в ущерб автохтонному гетскому населению. Одновременно, отмечает автор, в Малой Скифии, как и в других областях, захваченных римлянами, шла ожесточенная борьба за владение землей между агентами римской экспансии, в числе которых фигурируют и франкийские группы (*bessi, lai*), и покоренным гетским автохтонным населением (*dediticii*), эксплуатировавшимся римскими завоевателями.

Д. М. Пиппиди, работающий над подготовкой материала для *Corpus*'а истрийских надписей, в статье «*Ὁρθεσία Λαβερίου Μάξιμου* (к сорокалетию со дня открытия)» (1956, № 1-2) пересматривает ряд вопросов, затронутых в комментарии к надписи ее первым издателем В. Пырваном. В статье рассматриваются также вопросы, как подлинность документа, датировка дошедших до нас двух экземпляров, территориальные границы Истрии, хронология наместников Мезия при Клавдии и Нероне, вопрос о наместнике Эмилиане, учреждение известного *portorium Illyrici*, организация и расширение *portorium girae Thraciae*, вопрос о присоединении римлянами греческих городов в Добрудже и дата учреждения в этой местности *praefecturae orae maritimae*. Автор разделяет мнение, что в Мезии никогда не было наместника по имени Эмилиан, и придерживается мнения, что *portorium girae Thraciae* не мог быть учрежден до присоединения Франкии (46 г. н. э.) и что во время появления декрета Лаберия Максима (время Траяна)

он еще не был включен в таможенный округ, называемый *publicum portorii Italicis utriusque*. Относительно присоединения греческих городов в Добрудже и учреждения *praefecturae orae maritimae* Д. М. Пиппиди присоединяется к мнению историков, полагающих, что оба эти события относятся ко времени правления Августа.

Статья Р. Флореску «Земледелие в Добрудже в начале римского владычества» (1956, № 3-4) посвящена рассмотрению положения в области земледелия, с которым встретились здесь римляне, и вопроса о том, как они сочли целесообразным включить его в свою юридическую и экономическую систему. Исследование охватывает период с 72 г. до н. э. (разгром Митридата и появление римлян на Левом Побережье) до 100 г. н. э. (к этому времени относятся *oboesia* истрийцев и, как думает автор, административная организация Малой Скифии в рамках провинции). Задача затрудняется тем, что литературные и эпиграфические источники, за исключением межрековых камней, дают только косвенные сведения, а археологические источники почти полностью отсутствуют. Автор приходит к выводу, что в рассматриваемый период земледелие не представляло сколько-нибудь значительного явления в Добрудже севернее долины Карасу. Лишь в южной части территории, принадлежавшей г. Томи, земледелие начинает приобретать большое значение, однако роль крупного экспортера зерна, которую играл этот город, обеспечивалась не производством зерна на южной части его территории, а тем, что зерно для экспорта поступало с куда более обширной территории, охватывающей добруджскую степь южнее долины Карасу и оба берега Дуная. Существенное значение имело земледелие на территории расположенного южнее Томи греческого города Каллатис, в связи с чем автор ставит вопрос о характере землевладения и рабочей силы в этом городе. В свете используемых источников автор приходит к выводу, что земельная собственность здесь была частной, причем число мелких земельных собственников, обрабатывающих землю своими силами, было довольно велико. Что касается средних земельных владений, по всей вероятности самых распространенных, и крупных, то они обрабатывались рабами. В юго-западной части Добруджи имелись все условия для процветания земледелия, однако не имеется никаких сведений по этому вопросу.

* * *

Для историка древнего мира представляют также интерес статьи Д. М. Пиппиди «Тибериус Плавт Элиан и граница Нижнего Дуная в I в. н. э.», П. Настурел «*Tiberius, Tiberius, frater* Феофилакта Симокатты» и П. Александреску «Греческие источники об отступлении Дария во время скифского похода».

В статье Д. М. Пиппиди подвергается новому рассмотрению деятельность Тибериуса Плавта Сильвана Элиана в Мезии на основании изучения эпиграфических, литературных и более свежих археологических источников. Автор считает, что временем правления Элиана были 57—67 гг. н. э. и подвергает подробному анализу каждую фразу эпитафии, установленной в семейном мавзолее Плавтиев в Понте Лукано, недалеко от Тибура, в которой описывается деятельность Элиана на рубежах Нижнего Дуная. Выражение *per quem pacem provinciae et confirmavit et protulit* истолковывается автором не в смысле завоевания территории, якобы расширившего границы Мезии до вала «Бразда луй Новак» (пересекающего Большую и Малую Валахию от Островул Корбулуй, вблизи города Турну Северин, до окрестностей города Брэилы), а в смысле примирения соседних областей с провинцией, находившейся под управлением Элиана. Автор указывает, что против мнения о якобы происшедшем в I в. н. э. распространении римского владычества на области, расположенные к северу от Дуная, свидетельствует в первую очередь то, что упомянутый вал датируется в действительности IV в. н. э., а вал, расположенный на юге Молдовы, был воздвигнут не для защиты Большой Валахии от врага, нападающего из Молдовы, а для защиты Молдовы от нападений из Большой Валахии. По мнению автора, следует окончательно отказаться от укоренившегося мнения, что город Тирас был присоединен к империи в 56—57 гг. н. э., так как в опубликованном в 1925 г. папирусе Гунта говорится о том, что город

этот еще в начале II в. н. э. оставался *extra provinciam*. Д. М. Пилипиди отстаивает также точку зрения, что экспедиция Элиана против сарматов имела место не в 56—57 гг., а в 62 г. н. э., когда V Македонский легион был послан в Армению для подкрепления войск Цезенния Пэта. Последний вопрос, затронутый в статье, касается смысла и характера мер, предпринятых Элианом в интересах жителей Херсонеса Таврического, подвергшихся нападению со стороны скифов. Автор склонен полагать, что «экспедиция» ограничилась дипломатическими переговорами, поддержанными выступлением флота. Причина же этого вмешательства в дела области, столь отдаленной от границ провинции, находившейся под управлением Элиана, кроется, по его мнению, в планах экспансионистской политики Нерона на Востоке.

II. Нестурел в статье, представляющей не меньший интерес для филолога, чем для историка, подвергает новому рассмотрению отрывок из Феофилакта Симокатты с целью уточнить вопрос, следует ли рассматривать приведенные там слова в качестве древнейших следов румынского языка. Указанный историк (изд. де Бора, т. I, стр. 99—101) рассказывает об инциденте, имевшем место в рядах византийской армии во время войны с аварами в 586 г.: седло одного вьючного мула сдвинулось с места и заметившие это закричали погонщику животного «*тёрва, тёрва*», что было понято византийскими воинами как команда «налево кругом», вызвавшая нападением врага; они начали ее повторять, крича во все горло, и бросились бежать. Этот же инцидент кратко излагается и у Феофана Исповедника (изд. де Бора, т. I, стр. 257—258): один человек крикнул погонщику мула «*тёрва, тёрва, фрётре*», а воины, думая, что враг нападает, побежали, крича: «*тёрва, тёрва*», т. е. «налево кругом». Некоторые ученые (Рёслер, Хашдэу, Порга, Филипиде, Вульпе, Попа-Лиссиану и др.) видят в словах *торна* и *фратре* древнейшие свидетельства проявления румынского языка в его становлении. Другие (Жиречек, Денсушяну, Мутафчиев, Колпас, Дьони, Лота и др.) считают, что слово *торна* являлось в византийской армии военным термином романского происхождения, что засвидетельствовано «Стратегиконом» императора Маврикия и не имеет никакого отношения к образованию румынского языка.

Автор статьи, основываясь на греческом тексте Феофилакта, показывает, что слово, которое кричали погонщику мула, принадлежало языку этого человека и его товарищей, но оно прозвучало в ушах солдат по ч т и одинаково (*παράχεται, παράστρον* ήν τὸ λευόμενον) с командой «*тёрва*», к которой они привыкли, что и явилось причиной их бегства. Он считает, что вариант *фрётре* следует предпочесть варианту *фрётер*, встречающемуся в некоторых рукописях, так как этот первый представляет собой переходную форму от латинского к румынскому языку (*fratrem > fratre > frate*), а заметки, сохранившиеся на полях некоторых рукописей, помогают понять причину разночтений. Автор приходит к выводу, что слово *торна* (где конечный гласный, возможно, звучал скорее как «э») и *фратре* принадлежат языку «восточной Романии», а инцидент с мулом показывает, что первое из приведенных слов было почти созвучно с командой, означающей «налево кругом».

Статья II. Александреску посвящена вопросу о последствиях скифской экспедиции Дария I в 514 г. до н. э. для балканских областей. Автор не согласен с теми историками, которые считают, что в результате этой экспедиции, с одной стороны, была покорена вся Фракия и граница Персидской державы была установлена по нижнему течению Дуная, а, с другой, был положен конец скифской экспансии на юг от Дуная. Автор отмечает, что относительно покорения Фракии литературные источники с абсолютной очевидностью показывают, что покорена была только территория, простирающаяся между Эгейским морем и Родопскими горами; а что касается прекращения скифских нашествий на территорию к югу от Дуная, то это объясняется образованием и укреплением в начале V в. до н. э. фракийского одрисского государства, северная граница которого пролегла по нижнему течению Дуная.

В. В. Каракулаков